

временно оставались бесплодными или, пуще того, приводили к курьезам. Новое сознание чревато опасностями, чревато ловушками.

Однако все это обязано современному сознанию, и осуждать без разбора упомянутые попытки и начинания значило бы впасть в ошибку наподобие той, какую, справедливо или нет, приписывают Тьеру, который якобы заявил, что железные дороги — это всего лишь научная забава и что общество не в состоянии изготовить достаточно железа, чтобы уложить пути от Парижа до Марселя.

Итак, новое сознание приемлет любые, даже рискованные, литературные эксперименты, хотя эти эксперименты подчас вряд ли носят характер лирический. Вот почему в современной поэзии лирика — только одно из средоточий нового сознания, которое зачастую ограничивается поисками и исследованием, не стараясь придать им лирическую значимость. Все это лишь материал, который накапливает поэт, который накапливает новое сознание, но из этого материала образуются запасы подлинности, простота и скромность которой отнюдь не должны отталкивать, ибо ее последствия и результаты могут оказаться значительными — чрезвычайно значительными.

Исследователи литературной истории нашего времени изумятся впоследствии тому факту, что, уподобясь алхимикам и фантастам, хотя даже не помышляя о философском камне, поэты предавались исканиям и наблюдениям, которыми вызывали насмешки своих современников — журналистов и снобов.

Но их искания выявят свою ценность; они создадут фундамент нового реализма, который, быть может, не уступит столь поэтичному и изощренному реализму античной Греции.

Мы также видели, как благодаря Альфреду Жарри смех вознесся из низменных тайников, в которых он корчился, и предоставил поэту лиризм, неслыханный по новизне. Где они, те времена, когда платок Дездемоны казался недопустимо комичным? Сегодня даже выискивают комическое; им стараются овладеть; и оно по-своему служит поэзии, ибо является частью жизни столь же закономерно, как героизм и все то, что питало некогда вдохновенность поэтов.

Романтики пытались наделить низменные на взгляд явления ужасающим или трагическим смыслом. Скажем точнее: они усердствовали лишь во имя ужасного. Они стремились укоренить скорее ужас, нежели меланхолию. Новое сознание не старается преобразить комическое, оно оставляет за ним место, не лишенное очарования. Равным образом оно не намерено придавать ужасному благородный смысл. Оно приемлет его как ужасное, и оно не принижает благородного. *Это не декоративное искусство, но это и не искусство импрессионистическое.* Все оно — в постижении внешней и внутренней природы, все — в страсти к подлинному.

Если даже впрямь под солнцем нет ничего нового, *оно ни за что не откажется углублять все то, что под солнцем не ново.* Здравый смысл — его вожатый, и этот вожатый уводит его в пределы пускай и не новые, но зато неисследованные.

Но разве под солнцем нет ничего нового? Это еще надо проверить.

Ведь уже сделали рентгеновский снимок моей головы. Я, живой человек, видел собственный череп, и в этом нет никакой новизны? *Полноте!*

Соломон, несомненно, предпочитал царицу Савскую, но он так любил новизну, что держал несметных наложниц.

Поднебесье населено странными человеческими птицами. Машины, которые рождены человеком, но у которых нет матери, живут жизнью, лишенной страстей и чувств, — и в этом нет ничего нового?

Ученые непрестанно проникают в новые миры, которые открываются на всех перепутьях сущего, — и ничего нового под солнцем нет? Для солнца — возможно. Но для людей!

Существуют тысячи естественных сочетаний, которые никогда не создавались. Люди их мысленно воображают и доводят до воплощения, созидая тем самым вместе с природой то высшее искусство, каким является жизнь. Эти-то новые сочетания, эти новые порождения искусства жизни мы именуем прогрессом. В этом смысле он существует. Но если его понимают как вечное становление, как своеобразное мессианство, но менее кошмарное, чем сказания о Тантале, Сизифе или Данаидах, тогда прав Соломон вопреки всем пророкам Израиля.

Новое, однако, действительно существует, даже не являясь прогрессом. Все оно — в изумлении. Новое сознание тоже коренится в изумлении. Это самый живой, самый свежий его элемент. *Изумление — могучая новая сила.* Именно благодаря изумлению, благодаря той значительной роли, какую отводит оно изумлению, новое сознание отличается от всех предшествовавших художественных и литературных движений.

Оно отделилось теперь ото всех них и принадлежит только вашей эпохе.

Мы утвердили его на прочном основании здравого смысла и опыта, что понудило нас доверять явлениям и эмоциям лишь в меру истины, и мы приемлем их лишь в меру истины, но стараясь придать возвышенность тому, что по природе своей комично, и наоборот. И эти истины порождают, как правило, изумление, ибо противоречат общепринятому мнению. Многие из них не были изучены. Достаточно выявить их, чтобы привести к изумлению.

Равным образом мы можем высказать предположительную истину, которая приведет к изумлению, ибо до сих пор ее не решались представить. Но здравый смысл отнюдь не противоречит предположительной истине, иначе она не была бы истинной, даже предположительной. Так, если, вообразив, что женщины перестали рожать детей и что мужчины могли бы их заменить, я эту мысль обрисую, тем самым я выражу литературную истину, которую можно считать фантастической лишь вне пределов литературы; и я приведу к изумлению. Но моя предположительная истина не более невероятна, не более сверхъестественна, нежели истины греков, которые изображали вооруженную Афину выходящей из головы Зевса.

Пока самолеты не заселили небо, сказание об Икаре было лишь предположительной истиной. Сегодня это уже не сказание. И наши изобретатели приучили нас к большому чудесам, нежели то, какое могло бы заключаться в передаче мужчинам детородной способности, которой наделены женщины. Скажу лучше: поскольку сказки в большинстве своем осуществились, да еще как, нынче поэт должен измышлять новые, дабы изобретатели в свой черед могли их осуществлять.

Новое сознание требует, чтобы мы ставили перед собой эти провидческие задачи. Вот почему вы найдете следы провидчества в большинстве произведений, соответствующих требованиям нового сознания. Божественная игра жизни и воображения приносит свободу беспримерной поэтической деятельности.

Ибо поэзия и творчество тождественны: поэтом должно называть лишь того, кто изобретает, того, кто творит, — поскольку вообще человек способен творить. Поэт — это тот, кто находит новые радости, пусть даже мучительные. Поэтом можно быть в любой области: достаточно обладать дерзновением и стремиться к открытиям.

Поскольку воображение — область наиболее плодотворная, наименее исследованная, простирающаяся в бесконечность, то удивительно, что именем поэта наделяются по преимуществу те, кто занят поисками новых радостей, которые служат вехами в исполинских просторах воображаемого.

Для поэта ничтожнейший факт — постулат, отправная точка в неизведанной беспредельности, где пылают огнями иллюминаций множественные значения.

Отправляясь на поиски, нет нужды выбирать при помощи правил, пускай даже продиктованных вкусом, некий факт, который был признан возвышенным. Отправляться мы можем от факта обыденного: оброненный платок может стать для поэта тем рычагом, который позволит ему приподнять мироздание. Мы знаем, как Ньютон увидел падающее яблоко и чем стало оно для этого ученого, который вправе называться поэтом. Вот почему современный поэт не гнушается никакими движениями естества и его разум стремится к открытиям как среди самых огромных, самых необозримых целокупностей, будь то туманные скопления, океаны, народы, так и в гуще простейших на первый взгляд фактов: роющаяся в кармане рука, чиркнувшая и вспыхивающая спичка, крики животных, запах садов после дождя, разгорающееся в печи пламя. Поэты не только носители прекрасного. Они также, и прежде всего, носители истины, поскольку она открывает им пути в неведомое, в силу чего изумление, неожиданность оказываются одной из главных пружин современной поэзии. И кто осмелится утверждать, что для всякого человека, достойного радости, новое не является вместе с тем и прекрасным? Другие быстро займутся осквернением этой возвышенной новизны, после чего она сможет влиться в сферу рассудка — однако лишь в тех границах, какие наметил поэт, единственный сеятель истинного и прекрасного.

В силу самой природы своих изысканий поэт одинок в том новом мире, куда он входит первооткрывателем, и единственное утешение, какое ему остается, это то, что в конечном счете люди живут только истинным, хотя и пропитывают его фальшью, и что поэт оказывается единственным, кто насыщает жизнь, в которой смертные это истинное находят. Вот почему современные поэты — это прежде всего поэты неизменно обновляющейся истины. И их призвание безгранично: они изумляли вас, поразят еще больше. Они уже строят иные замыслы, куда более глубокие, нежели те, которые в своем коварстве породили утилитарно-чудовищный денежный знак.

Люди, создавшие миф об Икаре, который в наши дни столь чудесно осуществился, на этом не остановятся. Они унесут вас, полными жизни, сознания, в ночной неприступный мир сновидений. В царства, неизъяснимо мерцающие над нами. В царства, самые близкие к нам и самые от нас далекие, которые тяготеют к тому же уровню бесконечности, какой заключен в нас самих. И еще больше чудес, чем появлялось с рождения древнейших из всех нас, помрачат современные изобретения, которыми мы так гордимся и которые вам покажутся жалкими.

Наконец, поэты должны будут, создавая лирические телеологии и сверхлирические алхимии, вносить все более чистый смысл в божественную идею, которая столь живуча в нас и столь истинна, которая представляет собой то непрерывное обновление нас самих, то извечное созидание, ту без конца возрождающуюся поэзию, какими питается ваше существование.

Насколько мы знаем, нет в наши дни поэтов, кроме франкоязычных. Все прочие языки словно бы приумолкли, чтобы мир мог лучше внимать голосу новых французских поэтов.

Все человечество обращено к этому свету, который один озаряет ночь, обступившую пас.

Покамест, однако, эти возносящиеся голоса едва различимы.

Итак, современные поэты — это творцы, открыватели и пророки; они призывают, чтобы высказываемое ими внимательно изучалось на благо общества, к которому они принадлежат. Они взывают к Платону, моля его, если уж он изгоняет их из государства, хотя бы сначала выслушать их.

Франция, абсолютная обладательница загадки цивилизации — загадки, являющейся таковой лишь в силу неполноценности тех, кто стремится ее разгадать, —

Франция стала в глазах подавляющего большинства людей питомником поэтов и художников, которые с каждым днем приумножают сокровищницу ее цивилизации.

И, расточая вокруг истину и радость, они делают эту цивилизацию питательной для любой нации или, во всяком случае, приятной для всех.

Французы несут поэзию всем народам.

В Италию, где пример французской поэзии послужил толчком для молодого национального направления, великолепного в своей отваге и патриотизме.

В Англию, где лирика обесцветилась и, можно сказать, истощилась.

В Испанию, и особенно в Каталонию, где пламенная молодежь, уже породившая живописцев, которыми обе нации могут гордиться, следит с вниманием за творчеством наших поэтов.

В Россию, где подражание французской лирике приводило порой к чрезмерностям, что никого не удивит.

В Латинскую Америку, где молодые поэты обсуждают со страстью работы своих французских предшественников.

В Северную Америку, куда военной порой французские провозвестники, в благодарность за Эдгара По и Уолта Уитмена, несут оплодотворяющее начало, призванное пробудить к жизни новых творцов, о которых мы еще не имеем понятия, но которые, несомненно, будут достойны этих великих пионеров поэзии.

Во Франции полно школ, хранящих и продолжающих лирическую традицию, полно содружеств, приучающих к дерзновению; однако напрашивается оговорка: поэзия обязана в первую очередь народу, чьим языком она говорит.

Прежде чем устремляться в героические авантюры далеко идущего проповедничества, поэтические течения должны творить, упрочивать, выявлять, наращивать, увековечивать, воспевать величие той страны, которая их породила, — страны, которая, если угодно, их вскормила и выпестовала, отдав им из своей крови и своего естества все самое здоровое, самое чистое, самое прекрасное.

Все ли возможное сделала для Франции современная французская поэзия?

Во всяком случае, всегда ли была она во Франции столь же активной и столь же ревностной, как за ее пределами?

Достаточно будет, если эти вопросы возникнут в литературной истории современности, но чтобы решить их, надобно по возможности оценить все те национальные плодотворные качества, какие несет в себе новое сознание.

Новое сознание враждебно прежде всего эстетизму канонов и всяческому снобизму. Оно борется отнюдь не с какой-то конкретной школой, ибо не школой оно намерено стать, но одним из могучих течений в литературе, объемлющим все школы разом, начиная с символизма и натурализма. Оно сражается ради воскрешения духа исканий, ради ясного осознания нашей эпохи, ради того, чтобы открывать новые перспективы мира внутреннего и внешнего, вполне достойные тех, которые каждый день и во всех областях обнаруживают ученые, в которых они находят возможности творить чудеса.

Эти их чудеса обязывают нас не уступать по силе воображения и поэтической изощренности мастерам, совершенствующим механизмы. Научный язык и язык поэтов уже находятся в явном противоречии. Это положение нетерпимо. Математики вправе утверждать, что их помыслы, их устремления обгоняют на сотни миль ползучие фантазии поэтов. Теперь сами поэты должны решать, намерены ли они без колебаний связать себя с новым сознанием, вне которого остаются лишь три выхода: подражательство, сатира или стенания, пусть даже возвышенные.

Следует ли принуждать поэзию укрываться от окружающего, игнорировать великолепное изобилие жизни, которое люди своим трудом приносят в природу и которое позволяет механизировать мир самым неслыханным образом?

Новое сознание — это сознание той самой эпохи, в которой мы живем. Эпохи, изобилующей неожиданностями. Поэты стремятся осилить провидчество, эту бешеную кобылицу, которую никогда не могли обуздать.

И наконец, они стремятся механизировать поэзию, подобно тому как уже механизирован весь мир. Они стремятся стать первыми, кто свяжет небывалый лиризм с новыми инструментами выразительности, которые вносят в искусство движение, — с фотографом и кино. Эти последние пребывают пока еще в состоянии инкунабул. Но подождите — чудеса скажут свое слово, и новое сознание, которое пополнит жизнь Вселенную, изумительно проявится в литературе, в искусствах и во всех областях, какие мы только знаем.

1918

Печатается по изданию:

Писатели Франции о литературе: Сборник статей / Пер. с фр. В. Козового. М.: Прогресс, 1978.